

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ

Весной 1922 года был нанесен первый удар по Патриаршей Церкви. Арест патриарха Тихона и вынужденный отказ его от руководства Православной Церковью, раскольническая деятельность "обновленцев" с захватом к концу года двух третей из действующих в то время церквей, поддержанный властями, создание самочинного ВЦУ с признанием его власти известными архиереями, проведение "Собора" и заочного суда над патриархом с лишением его священнического сана — все это нанесло серьезный удар по единству духовенства. Лишь активное противостояние верных патриарху архиереев и клириков позволило объединить антиобновленческие силы в противостоянии расколу. Последующее освобождение патриарха Тихона из-под домашнего ареста в Донском монастыре после вынужденного "покаяния", возвращение к управлению Церкви, его Послание от 28 июня о неправомочности "Собора" и всех его решений, принятие патриархом после покаяния отпавших в "обновленчество" архиереев РПЦ и части новопоставленных иерархов в лоно Патриаршей Церкви, массовое возвращение отобранных ранее храмов и прекращение дела по обвинению патриарха Тихона¹ в "антисоветских преступлениях" — все это успокоило верующих, и стабилизировало обстановку в стране и за рубежом.

Однако Послание патриарха к Церкви, подписанное в день его кончины 7 апреля 1925 года² и опубликованное в газетах, вызвало большое смущение и возмущение, поколебав единство духовенства и мирян. Причем, в стане оппозиции оказались самые стойкие и непримиримые архиереи, не согласные с антицерковной политикой большевиков и активно не принявшие в этом выступлении патриарха его призыва к "искренности" в отношениях с богоборческой властью, к работе с ней "на общее благо"³. Многие открыто говорили об опасности этого пути в будущем. 12 апреля, после погребения патриарха Тихона в Донском монастыре, 59 представителей высшего духовенства, прибывших в столицу на его похороны, после ознакомления с завещанием о Местоблюстителе, подписали заключение о вступлении в эту должность митрополита Крутицкого Петра (Полянского). Но правящим в столице архиереям властями был преподан вскоре жесткий урок "покорности и послушания" — на примере трагической судьбы почитаемых архиереев⁴, отправленных в тюрьмы, лагеря и ссылки. Именно с того времени органами госбезопасности стали активно разрабатываться в первую очередь священнослужители, убежденные в необходимости сохранения лучших традиций Православия, называемые чекистами "тихоновцами". В мартовском отчете ОГПУ за 1925 год констатировалось, что на конец 1924 года в стране оставалось еще 8195 "тихоновцев", что составляло 67% от общего числа священнослужителей, и далее сообщалось об активизации работы по сорока шести агентурным разработкам *"контрреволюционных организаций церковников"*⁵.

---

¹ 21 марта 1924 года.

² Получившее в газетах название "Завещание".

³ Правда, подлинность этого документа многими ставилась под сомнение.

⁴ Вскоре были арестованы и осуждены митрополиты Петр (Полянский), Кирилл (Смирнов), Арсений (Стадницкий), архиепископы Иларион (Троицкий), Феодор (Поздеевский), Пахомий (Кедров), Гурий (Степанов), епископы Стефан (Бех), Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Виктор (Островидов), Агафангел (Преображенский), Варлаам и Герман (Ряшенцевы), Нектарий (Трезвинский), Вениамин (Троицкий), Иоасаф (Удалов), Дамаскин (Цедрик) и другие.

⁵ "Шпионская организация церковников" во главе с митр. Петром (Полянским) и архиеп. Феодором (Поздеевским); "Гнездо" во главе с еп. Вениамином (Троицким); "Ревнителю"

Переломным моментом в истории Церкви стал 1927 год — после опубликования 16/29 июля знаменитой Декларации⁶ митрополита Сергия (Страгородского), в то время заместителя Патриаршего Местоблюстителя. Провозглашение же в особом Указе митрополита Сергия требования о молении за советскую власть⁷ стало уже свидетельством перехода Церкви с позиции аполитичности и лояльности на позицию внутренней духовной солидарности с властью, не прекращавшую гонений духовенства и мирян. Все это вызвало серьезный раскол среди духовенства Патриаршей Церкви. На уверения митрополита Сергия и его единомышленников, что их действия вызваны желанием спасти Патриаршую Церковь, жестко ответил епископ Павел (Кратиров): *«Церковь Христова — это не что иное, как царство Божие, а царство Божие, по словам Спасителя, внутри нас. Неужели же это "царство Божие внутри нас" нуждается во всей этой мерзостной системе, которую допускает митр. Сергей во взаимоотношениях с внешними? Неужели из-за сохранения церковно-хозяйственного имущества (храм, здания, утварь) можно продать Христа и царство Божие? Какая же тогда разница между Иудой и современными Хриstopродавцами?»*⁸. Вскоре часть архиереев со своей паствой решительно прервали молитвенное общение с митрополитом Сергием и его Синодом⁹. Повсюду стали появляться "антисергианские" приходы и отдельные "непоминающие"¹⁰, причем, их неприятие Сергия и его политики было в каждом случае различным. Одни считали его просто превысившим свои полномочия, другие — нарушителем канонических устоев Церкви, третьи — еретиком, а иные — даже богоотступником.

Сам митрополит Сергей (Страгородский), возглавлявший РПЦ, избрав путь сотрудничества с властями, утверждал, что провозглашенное в Декларации требование лояльности к советской власти необходимо ради преемственности "законного" Православия¹¹. Но в результате эта формальная "легализация" РПЦ в дальнейшем потребовала от ее руководителей согласия на полный контроль государственных органов над внутрицерковной жизнью, особенно, в кадровой политике. Он сам и его

православия" с М. А. Новоселовым во главе; "Поповская Академия" с профессурой во главе; "Корреспонденты"- "тихоновцы", информирующие запад о гонениях на веру.

⁶ Отметим, что Послание (Декларация) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и возглавляемого им Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти было обращено к **«Преосвященным Архипастырям, боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Святой Всероссийской Православной Церкви»**.

⁷ *«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть Православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи»*. Из Декларации митр. Сергия от 16/29 июля 1927 года. Акты Святейшего Патриарха Тихона. М., 1994. С. 510.

⁸ Из письма от 3 апреля 1928 года.

⁹ И на вопрос прихожан — «Можно ли молиться за врагов Божиих, а если можно, то, как молиться», — одноименное воззвание, распространявшееся по церквям, отвечало следующими цитатами Свящ. Писания: *«И сказал мне Господь: ты не молись о народе сем во благо ему. Ты не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошений; ибо Я не услышу, когда они будут взывать ко Мне в бедствии своем»*.

¹⁰ "Непоминающие" — термин, обозначающий священнослужителей, не поминающих на службах советскую власть и митрополита Сергия.

¹¹ Отметим, что власти не верили в искренность намерений самого Сергия, и пресса вволю поиздевалась в фельетонах и статьях над его призывом лояльности. Позднее в материалах следственных дел об этом писалось так: *«Составленная по соображениям приспособленчества к объективным условиям, эта Декларация являлась по сути одним из тактических приемов церковников в борьбе с Советской властью и ее мероприятиям на данном этапе»*.

сторонники, шантажируемые угрозой ареста всей православной иерархии, надеялись, что уступки властям помогут прекратить дальнейшие репрессии священнослужителей и мирян. Уже с осени 1928 года началась масштабная операция органов госбезопасности по вскрытию и ликвидации "филиалов" *«Всесоюзной контрреволюционной церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь"»* во многих регионах страны.

Необходимо отметить, что для успешного проведения этой операции, то есть массовых арестов оппозиционного духовенства и мирян одновременно по всей стране, с 1925 года в приходские общины было внедрено большое число "добровольных помощников" чекистов из церковного клира и прихожан. Например, расходы на оплату работы секретных осведомителей и их количество в "Смете расходов" по регионам объяснялось так: *«Синодальное движение используется нами для разложения "тихоновщины", как группировки, крайне реакционно настроенной и имеющей большой авторитет среди верующей массы. Руководство работой синодальцев в целях успешного разложения "тихоновщины" возможно при наличии секретных работников как в той, так и в другой группировке, посредством коих возможно будет проводить желательную для нас линию. С этой целью в прилагаемую "Смету" мы вносим минимальное количество осведомов¹², по 2 человека на группировку в каждом округе»¹³.*

Так что благодаря активной работе секретных осведомителей и полученных с мест агентурных сообщений, к началу операции стало известно о размахе движения ИПЦ, об именах иереев и активных верующих в регионах, а также именах архиереев, возглавивших там оппозицию Сергию. О размахе первого этапа операции — с марта по октябрь 1929 года — говорят цифры арестованных священнослужителей — более 5000 человек, что почти в три раза превышало число осужденных пастырей в 1928 году. Второй этап операции, нацеленный, в основном, на Украину, Центрально-Черноземную область, Черноморье и Северный Кавказ был осуществлен с сентября 1929 по апрель 1930 года. На третьем этапе — с апреля по декабрь 1930 года — прошли повторные аресты в столицах, а также по областям центральной и южной части России, Украины и Белоруссии. О масштабе операции в 1930 году можно судить по числу арестованных по групповым делам ИПЦ — свыше 13 000 священнослужителей, что более чем в 2 раза превысило число осужденных в 1929 году.

В начале 1931 года прошли повторные массовые аресты в Московской, Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. С начала 1931 по апрель 1932 года поле деятельности чекистов значительно расширилось, и массовые аресты прошли повторно не только в Европейской части, но также в Сибири и Северном крае, при этом число арестованных иерархов за два года превысило 19 000 человек. Эта операция позволила властям за четыре года уничтожить наиболее непримиримых и твердых в вере священнослужителей и мирян¹⁴. Заметим, что до 1932 года массовых репрессий против священнослужителей, кроме "иосифлян", "викторовцев", "дмитровцев" и других оппозиционеров, не

---

¹² "Осведом" — осведомитель.

¹³ Из «Объяснительной записки к смете расходов на работу ГПУ среди религиозных группировок на первое полугодие 1928 года» // Архив ЦГАОО Украины.

¹⁴ О масштабе завершившейся операции по ликвидации движения ИПЦ красноречиво говорят цифры — число арестованных священнослужителей за пять лет, с 1929 по 1933 год, — в семь раз превысило число осужденных иерархов за такой же период, с 1924 по 1928 год. К сожалению, о количестве мирян, осужденных в те годы по групповым делам ИПЦ, сообщить точные цифры не представляется возможным, но даже предварительные расчеты, в зависимости от региона, дают 2-5 кратное превышение числа осужденных.

было. Но уже с середины 1932 года началось повсеместное закрытие храмов и аресты "сергиевского" и обновленческого духовенства. Количество арестованных священнослужителей в 1933 году — более 8700 человек — казалось бы, незначительно отличается от числа осужденных в 1932 году, но очевидно, что число истинно-православных клириков составляло не больше половины. Ведь выявление и арест пастырей и активных членов общин истинно-православных христиан были теперь крайне затруднены, о чем постоянно сообщалось в отчетах органов НКВД. Например, в отчете за 1933 год утверждалось, что *«полная ликвидация этого института тайного священства и монашества потребует еще значительных усилий со стороны наших органов в силу гибкости и подвижности этой агентуры»*.

Результатом развернувшейся в стране паспортизации населения в 1933 году стало массовое выселение из крупных городов страны оставшегося на свободе духовенства: в первую очередь, это коснулось "иосифлян", на основании секретного указания *«Не выдавать паспортов служителям культов "иосифлянского" вероисповедания»*, во вторую очередь, — "сергиевских" клириков, так как теперь отношение властей к ним ужесточилось: *«При выдаче справок и получении паспортов особенно крепко подходить к Сергиевской ориентации и мягче к обновленцам»*. К этому же времени практически все храмы в Москве, Ленинграде и других городах, руководимые оппозиционными митрополиту Сергию и его Синоду священнослужителями перешли под управление официальной Церкви, и, как правило, вынуждено, под угрозой ликвидации церкви. Позднее большая часть этих храмов была закрыта, то есть легальная деятельность "непоминающих" была запрещена властями.

Но окончательно уничтожить оппозицию не удалось, так как наиболее стойкая часть клириков, сторонников митрополита Иосифа, избрала катакомбный путь служения, продолжая проводить нелегальные службы, тайные рукоположения в священство и пострижения в монашество. В последующие два года, в период 1935-1936 годов, *«вскрытие и ликвидация контрреволюционных монархических организаций церковников»* продолжались, но обвинения, которые теперь предъявлялись руководителям "организаций" отличались от прежних, теперь их обвиняли *«в шпионаже»* и *«террористической деятельности»*. Особенностью групповых процессов в этот период является наличие *«доказательств»* вины арестованных в виде агентурных сообщений либо более основательных "Меморандумов", представляющих собой обзор доносов за определенный период времени. На основании этих агентурных данных производился арест и затем осуждение обвиняемого¹⁵. Число арестованных священнослужителей за два года, с 1934 по 1935 год, составило не более 5300 человек, что в 1,6 раз было меньше, чем за один, 1933 год. Можно предположить, что процент истинно-православных клириков среди арестованных в эти годы сокращался, так как большинство из них находилось на нелегальном положении, о чем постоянно доносили "добровольные помощники" чекистов. Но теперь чекистами уже не делались различия, к какому течению примыкал обвиняемый: к "сергиевцам", "иосифлянам", "непоминающим" или "обновленцам". Теперь и лояльному к властям духовенству стало ясно, что надежды митрополита Сергия и его последователей спасти РПЦ от уничтожения были тщетны.

Когда же началась вакханалия массовых арестов и расстрелов в период 1937-1938 годов, то "доказательства" вины обвиняемых уже не требовалось. Следствие велось ударными темпами, так как

---

¹⁵ Можно предположить, что такая предусмотрительность чекистов вызывалась групповыми процессами в отношении бывших сотрудников органов НКВД из команды Ягоды, обвиняемых, в числе прочего, и в фальсификации следственных дел.

соответствовало указанию заместителя наркома НКВД Заковского: *«Бить морды при первом допросе, брать короткие показания на пару страниц от "участника организации" о новых людях»*. Избиения заключенных в Таганской тюрьме самим Заковским, показавшем на личном примере, как нужно допрашивать, *«вызвали массовые, почти поголовное избиение арестованных и вынужденные, клеветнические показания арестованных не только на себя, но и на своих знакомых, близких сослуживцев и даже родственников, а также на лиц, которых они никогда не знали»*¹⁶. Деятельность Особой Тройки НКВД СССР, определяющей окончательный приговор обвиняемым, также основывалась на указании Заковского — *«судить только по I-ой категории»*¹⁷ и *только в исключительных случаях небольшое количество дел осуждать по II-ой категории»*¹⁸. О скорости, с которой вершился приговор, показал позднее на допросе М. И. Семенов, с декабря 1937 по июль 1938 года бывший председателем Особой Тройки НКВД по Москве и области: *«За один вечер мы пропускали по 500 дел и судили людей по несколько человек в минуту, приговаривая к расстрелу при рассмотрении дел "альбомным" порядком»*. Трудно представить душевное состояние пастыря, обреченного ради сохранения прихода на многолетнее унижительное моление на богослужениях за "успехи и радости" богоборческой власти, а порой даже на сотрудничество с ее карательными органами, и в результате — этой же властью арестованного *«за контрреволюционную деятельность»* и приговоренного к расстрелу!

---

¹⁶ Далее все документы приводятся из: Следственное дело М. И. СЕМЕНОВА // Центральный Архив ФСБ РФ.

¹⁷ I-я категория означала расстрел.

¹⁸ II-я категория означала 10 лет лагерей.